

Смайльс Самуил

Долг

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
С17

С17 **Самуил С.**
Долг / Смайльс Самуил – М.: Книга по Требованию, 2023. – 399 с.

ISBN 978-5-519-74025-8

ISBN 978-5-519-74025-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА I.

ДОЛГЪ — СОВѢСТЬ.

Совѣсть—могучій боецъ, вела его за собой.

Милтонъ.

За что, о, человекъ, порицаешь ты міръ? Міръ прекрасенъ и созданъ согласно требованіямъ совершеннѣйшей мудрости; если-же онъ кажется тебѣ злымъ и грѣшнымъ, то потому, что ты самъ золъ и грѣшенъ среди этого прекраснаго міра.

Марсилій Фуцинъ.

Человѣкъ живетъ не для одного себя; онъ живетъ не для одного только собственнаго благополучія, но и для блага другихъ. На каждого изъ насъ возложены извѣстныя обязанности, на знатнаго богача, какъ и на послѣдняго бѣдняка. Для однихъ жизнь—праздникъ, для другихъ страданіе. Но благородныя сердца не ставятъ себѣ пѣлью жизни ни наслажденіе, ни даже славу; ихъ высшія стремленія побуждаютъ ихъ къ полезному труду и добрымъ дѣламъ во имя общаго блага.

По выраженію Пьероклеса, каждый изъ насъ является центромъ, обнесеннымъ многими концентрическими кругами. Самый близкій къ намъ кругъ,—первый,—родители, жена и дѣти; слѣдующій заключаетъ въ себѣ нашихъ друзей и родственниковъ, третій кругъ—нашихъ соплеменниковъ и четвертый—остальное человѣчество, и мы несемъ на себѣ обязанности по отношенію ко всемъ четыремъ.

Чтобы сумѣть ревностно и неуклонно исполнять свой долгъ по отношенію къ Богу и людямъ, мы должны прежде всего позаботиться о возможно совершенномъ развитіи всѣхъ ниспосланныхъ намъ Богомъ способностей. Его высшая воля вдохновляетъ и управляетъ нашею волей. Сознаніе того, что есть добро и зло, что правда и ложь, справедливость и несправедливость — налагаетъ на насъ отвѣтственность здѣсь, на землѣ передъ людьми, тамъ, на небесахъ передъ Богомъ.

Область обязанности безгранична и связана со всевозможными положеніями въ жизни. Не отъ нашего выбора зависитъ быть богатыми или бѣдными, счастливыми или несчастными, но человѣку вмѣняется въ обязанность всегда исполнять свой долгъ, въ чемъ бы онъ ни выражался. Подчиненіе чувству долга въ самомъ затруднительномъ положеніи составляетъ первую сущность цивилизации. Теперь, какъ это было и раньше, въ прошломъ, слѣдуетъ прилагать всѣ силы въ дѣлѣ исполненія своего долга, работать во имя его, и, если нужно, умирать за него.

Представленіе о долгѣ связываемъ мы зачастую съ военной дисциплиной. Память о часовомъ въ Помпеѣ, найденномъ мертвымъ на своемъ посту въ то время, какъ городъ былъ восемнадцать вѣковъ тому назадъ залитъ пепломъ и лавою, сохранилась до нашихъ дней. Это былъ солдатъ, преданный своему долгу, не покинувшій своего поста въ то время, какъ всѣ другіе искали спасенія. Онъ исполнялъ свою обязанность и не тронулся съ мѣста, которое долженъ былъ оберегать и задохся отъ смрадныхъ сѣрнистыхъ испареній засыпавшихъ его облаковъ пепла. Его тѣло стало прахомъ, но память о немъ жива и его шлемъ, копье и нагрудникъ до сихъ поръ показываютъ посѣтителямъ въ Борбоникскомъ музеѣ, въ Неаполѣ.

Этотъ солдатъ выказалъ геройское послушаніе и выдающуюся преданность долгу: онъ довелъ свое дѣло до конца. Къ послушанію, къ повиновенію родителямъ, на-

ставникамъ и начальству каждый долженъ приучаться съ самаго ранняго дѣтства, но и позднѣйшій возрастъ не освобождаетъ насъ отъ повиновенія, мы должны умѣть повиноваться до самаго послѣдняго вздоха. Долгъ, въ своемъ благороднѣйшемъ проявленіи, заключаетъ въ себѣ такъ много ограничительнаго, связывающаго, что, при выполненіи его, человѣкъ не имѣетъ возможности думать о самомъ себѣ или считать это выполненіе своей обязанности самопожертвованіемъ.

Перейдемъ теперь къ много позднѣйшему времени, чѣмъ то, въ которое жилъ помпейскій солдатъ. Когда англійскій военный корабль «Биркенгидъ» пошелъ 26 февраля 1852 года ко дну у береговъ Африки со всѣмъ своимъ храбрымъ экипажемъ, который, скрываясь въ волны, далъ прощальный залпъ, увидѣвъ въ безопасности на шлюпкахъ дѣтей и женщинъ, за спасеніе которыхъ онъ пожертвовалъ своей собственной жизнью—герцога Веллингтона получили это печальное извѣстіе на торжественномъ обѣдѣ въ королевской академіи. И Маколей рассказываетъ слѣдующее:

«Я сейчасъ-же замѣтилъ американскому посланнику мистеру Лауренсу, что герцогъ въ своей похвальной рѣчи несчастному утонувшему экипажу ни разу ни обмолвился объ ихъ мужествѣ, но много разъ останавливался на ихъ примѣрномъ подчиненіи, дисциплинѣ и ихъ выдержкѣ. На мужество же ихъ, онъ, казалось, смотрѣлъ, какъ на нѣчто само собой подразумѣвавшееся и вполне естественное».

Преданность долгу всегда связана съ самопожертвованіемъ, представляющимъ нѣчто большее, чѣмъ простая неустрашимость. Гладіатора, боровшагося въ римскомъ циркѣ со львами, исполненнаго львиного мужества, воодушевляла горячность зрителей, но при этомъ онъ никогда не упускалъ изъ виду ожидавшей его награды и не увлекался до самозабвенія. Пизарро былъ однимъ изъ храбрѣйшихъ людей, но среди всѣхъ его трудовъ и лишеній жажда золота

одна помогала ему преодолевать всевозможныя препятствія и заботы.

«Хочешь сдѣлаться великимъ? — спрашиваетъ блаженный Августинъ, — въ такомъ случаѣ будь сначала маленькимъ. Хочешь ты создать обширное и высокое зданіе? — Подумай сначала о прочности фундамента, о смиреніи. Чѣмъ выше должно быть твое зданіе, тѣмъ глубже закладывай фундаментъ. Скромное смиреніе — вотъ вѣнецъ красоты!»

Лучшимъ способомъ исполненія обязанностей является совершеніе ихъ въ тайнѣ, такъ чтобы оно не бросалось въ глаза людямъ. Самоотверженно и съ достоинствомъ исполняетъ въ такомъ случаѣ человѣкъ свой долгъ, не хвалясь имъ и не подчиняясь предписаніямъ узкой свѣтской нравственности. Подобный образъ дѣйствій обусловливается болѣе высокими взглядами на жизнь, благороднѣйшими нравственными началами, подчиняясь которымъ каждую человеческую жизнь и каждое дѣло мы считаемъ выполняемымъ нами обязательствомъ по отношенію ко всему человечеству.

Какъ-же намъ научиться исполнять свои обязанности? Развѣ это такъ ужъ трудно? На первомъ мѣстѣ стоитъ всегда врожденное человѣку ясное и постоянное сознаніе нашихъ обязанностей по отношенію къ Богу; за ними слѣдуютъ другія: обязанности наши по отношенію къ нашей семьѣ, сосѣдямъ, обязанности слугъ по отношенію къ своимъ господамъ, обязанности гражданина по отношенію къ его согражданамъ, обязанности по отношенію къ государству, которое въ свою очередь несетъ на себѣ обязанности по отношенію къ своимъ подданнымъ. Большая часть этихъ обязанностей исполняется въ тайнѣ. Наша общественная дѣятельность можетъ быть хорошо извѣстна другимъ, но внутренней, нравственной и духовной стороны нашей жизни никто не видитъ. Отъ насъ самихъ зависитъ идти по хорошему или дурному пути, потому что никто

не можетъ, кромѣ насъ самихъ, погубить нашей души. Если намъ удалось постепенно сдѣлаться лучше, благороднѣй и совершеннѣй и воспитать въ такомъ же направленіи своихъ близкихъ, то тѣмъ самымъ мы, можетъ быть, сдѣлали все, что было въ нашихъ силахъ и такова задача жизни, отъ которой никто не имѣетъ права уклониться.

Одинъ американскій законодатель слѣдующимъ образомъ отнесся ко вѣренному ему посту.

Лѣтъ сто тому назадъ въ Соединенныхъ Штатахъ произошло солнечное затменіе. Все сильнѣе мракъ окутывалъ небо, и многимъ казалось, что наступаетъ день страшнаго суда. Между тѣмъ въ Конентикутской палатѣ засѣдало законодательное собраніе. Съ увеличеніемъ мрака одинъ изъ членовъ, блѣдный и испуганный, предложилъ разойтись по домамъ, на что старшій пуританинъ, Девенпортъ изъ Стамфорда возразилъ, поднявшись съ мѣста:

«Если даже день страшнаго суда дѣйствительно наступилъ—я хочу, чтобы онъ засталъ меня на моемъ посту, при исполненіи моихъ обязанностей, а потому пусть подадутъ огня, чтобы палата могла продолжать свои занятія».

Пристыженные, остальные члены присоединились къ нему и засѣданіе продолжалось; и всѣ были глубоко благодарны старому Девенпорту за то, что онъ поддержалъ такимъ образомъ ихъ колеблющуюся волю въ трудный моментъ жизни.

Одинъ человѣкъ слабый здоровьемъ, хрупкій и нѣжный посвящалъ большую часть своего времени благотворительной дѣятельности. Онъ посѣщалъ больныхъ и бѣдныхъ въ ихъ убогихъ помѣщеніяхъ, ухаживалъ за ними и утѣшалъ ихъ и всѣми средствами старался придти имъ на помощь. Друзья часто упрекали его въ томъ, что, отдаваясь этой дѣятельности, онъ запускаетъ свои дѣла и замѣчали ему, что у. иголовья больныхъ и умирающихъ онъ легко мо-

жегъ заразиться какой-нибудь опасной болѣзнью. Въ отвѣтъ на эти упреки онъ просто, но съ твердостью возразилъ: «Своими личными дѣлами я достаточно усердно занимаюсь изъ любви къ своей семьѣ, но я считаю, что человѣку вмѣняется въ обязанность относительно общества заботиться не объ однихъ только своихъ кровныхъ близкихъ, но также и о другихъ, не принадлежащихъ къ членамъ моей семьи».

Истинными благодѣтелями человѣчества являются не тѣ, которые жертвуютъ на благотворительныя дѣла денежныя суммы, но тѣ, которые посвящаютъ служенію близкихъ самихъ себя, т.-е. свое время, силы и душу; первые приобрѣтаютъ себѣ извѣстность, снискиваютъ всеобщія похвалы; вторые приобрѣтаютъ любовь неимущихъ и страдающихъ. Память о первыхъ можетъ надолго сохраниться въ обществѣ, вторые будутъ, можетъ быть, скоро позабыты, но добрыя сѣмена, посѣянные ими, никогда не погибнуть.

Что представляютъ, однако, основы долга? Жюль Симонъ написалъ солидное произведеніе «Долгъ», въ которомъ проводитъ мысль, что долгъ находится въ зависимости отъ свободы. Люди должны быть свободны, какъ для исполненія своихъ общественныхъ обязанностей, такъ и для выработки своего личнаго характера.

Разъ люди обладаютъ свободой мысли — они должны располагать и свободой дѣйствій: слѣдуетъ, однако, замѣтить, что свободой этой человѣкъ можетъ пользоваться и дурно, направляя ее не столько на добро, сколько на зло. Тираннія толпы хуже, чѣмъ деспотизмъ отдѣльной личности. Американецъ тоже весьма основательно утверждаетъ, что новѣйшій либерализмъ представляетъ не что иное, какъ замѣну феодальнаго рабства рабствомъ общественнаго мнѣнія.

Свобода, какъ общественное достояніе каждой отдѣльной личности, — является понятіемъ, возникшимъ, какъ учить

исторія, лишь въ позднѣйшее время *). Въ старину, такъ называемымъ свободнымъ людямъ даровано было право владѣть рабами. Рабство процвѣтало не только въ государствѣ, но и въ семьѣ, въ республикахъ, равно какъ и при монархическомъ образѣ правленія. Катонъ старшій, значительнѣйшій изъ римскихъ экономистовъ эпохи республики, проводилъ мысль о .полезности избавленія общества отъ престарѣлыхъ рабовъ, чтобы не нести на себѣ необходимости содержать ихъ. Рабы, неспособные болѣе къ работѣ отъ старости или болѣзни, отвозились на островъ Эскулапа посреди Тибра, гдѣ погибали отъ болѣзни или голодной смерти. Въ императорскомъ Римѣ плебсъ (народъ) зависѣлъ отъ благотворительности патриціевъ. Также и въ Англіи при отмѣнѣ рабства, когда бѣдняки не могли болѣе существовать монастырскими подаваніями—изданъ былъ законъ о бѣдныхъ, который являлся чѣмъ-то въ родѣ вознагражденія за утрату свободы.

*) Понятіе о трудѣ, какъ о чѣмъ-то унижительномъ — остатокъ времени язычества и феодализма, когда плугъ предоставленъ былъ только рабамъ и крестьянину, воздѣлывавшимъ землю. Римляне опредѣляли благородство въ слѣдующихъ словахъ: «*gentem habent soli suijs parentes nemini servierunt*», что значитъ: «тѣ лишь благородны, чьи предки никому не служили». Распространенное въ сѣверо-американскихъ штатахъ убѣжденіе, что рабская кровь, даже въ самыхъ отдаленныхъ предкахъ — является позоромъ для чело-вѣка—чисто римскаго происхожденія. «Отправтесь-ка въ Америку, вы, любезные нѣмецкіе крестьяне,—говоритъ по этому поводу Гейне,—тамъ вы не встрѣтите ни принцевъ, ни знатныхъ, всѣ люди равны тамъ, правда, за исключеніемъ нѣсколькихъ милліоновъ чернокожихъ, съ которыми обращаются какъ съ собаками! Тотъ, кто удержалъ даже малѣйшіе признаки негрскаго происхожденія, даже не въ цвѣтѣ кожи, а въ чертахъ лица или въ чѣмъ иномъ, осужденъ вы-носить всевозможныя униженія, которыя намъ въ Европѣ кажутся невѣроятными. Разумѣется, встрѣчается и тамъ не одно благородное сердце, которое въ тайнѣ порицаетъ и жалуется на всеобщее себѣлюбіе и несправедливость. Но попробуй онъ открыто побороться съ подобнымъ положеніемъ вещей—его ждетъ такое мученичество, о какъ мы въ Европѣ и псалтыи имѣть не можемъ!»

Есть въ мірѣ нѣчто выше и лучше свободы — это совѣсть! Могущество этого слова признано было въ эпоху самаго ранняго расцвѣта цивилизаціи. Уже греческій поэтъ Менандръ, жившій за триста лѣтъ до Р. Хр., сказалъ: «Въ нашей собственной груди мы носимъ бога—это наша совѣсть!» и дальше: «Жить для одного лишь себя — это нельзя назвать жизнью. Совершая какое-либо святое и доброе дѣло — будь радостень и добръ, потому что самъ богъ, какъ это всякій понимаетъ, принимаетъ въ немъ участіе. Отзывчивое сердце—вотъ что является самой насущной необходимостью для человѣка».

Совѣсть представляетъ ту особую силу души, которую можно также было бы назвать религіознымъ инстинктомъ и которая открывается въ насъ, какъ-только мы замѣчаемъ въ себѣ самихъ борьбу между высшими и низшими душевными побужденіями, борьбу между духомъ и плотью, между злымъ и добрымъ началомъ. И куда ни оглянется человѣкъ — всюду онъ видитъ ту же самую борьбу не на жизнь, а на смерть. Тысячи мужчинъ и женщинъ живутъ, терзаясь душевными муками только потому, что они любятъ добро, но въ то же время не могутъ вполне слѣдовать его высшимъ идеаламъ.

На основаніи этой борьбы создалась первоначальная религія; высшій законъ приводитъ насъ къ Единому, представителемъ котораго является голосъ совѣсти. Каноникъ Мозли говоритъ: «Все религіи основаны на этомъ испытаніи самого себя. Углубляясь въ свою внутреннюю жизнь и замѣчая происходящую внутри борьбу — люди учатся познавать самихъ себя, а изъ этого самопознанія возникаетъ и познаніе Бога». Подъ влияніемъ подобныхъ впечатлѣній человѣкъ пріобрѣтаетъ возможность познавать и чувствовать, что справедливо и что несправедливо; ему предоставляется выборъ между добромъ и зломъ, и такъ какъ за нимъ остается свобода выбора,— то онъ является и отвѣтственнымъ за него.

Во что бы ни вѣрили люди въ теоріи, въ дѣйствительности никто изъ насъ не чувствуетъ, чтобы его поступки были заранее предопредѣлены, необходимы и неизбѣжны, потому что воля наша ничѣмъ не связана, не подлежитъ никакому принужденію. Никакое колдовство не заставляетъ насъ непременно повиноваться тому или другому побужденію. «Мы чувствуемъ,—говоритъ Джонъ Стюартъ Милль,—что если бы мы захотѣли доказать, что обладаемъ силой воли, способной противостоять какому-бы то ни было желанію — мы можемъ сдѣлать это: для нашей гордости думать иное было бы и унижительно и недостойно».

Наши поступки должны подвергаться извѣстной проверкѣ, иначе для какой цѣли издаются законы по всему свѣту: они имѣютъ въ виду, чтобы имъ повиновались. Вещь извѣстная и ставшая убѣжденіемъ каждаго, что люди повинуются или не повинуются законамъ, смотря по тому, насколько они хотятъ повиноваться или не повиноваться. Каждый изъ насъ сознаетъ, что въ сущности не наши привычки или искушенія властвуютъ надъ нами, но мы сами господствуемъ надъ ними.

Чтобы достигнуть возможности располагать духовной свободой, — умъ человѣка долженъ быть пробужденъ знаніями. Отвѣтственность человѣка растетъ вмѣстѣ съ просвѣтлѣніемъ и развитіемъ его ума и тѣмъ явственнѣй становится голосъ его совѣсти. Онъ подчиняется вліянію высшей воли и дѣйствуетъ согласно съ нею, не по принужденію, но съ радостью, потому что связующій его законъ человѣкъ признаетъ за законъ любви. Человѣкъ приходитъ къ убѣжденію, что только своей жизнью и поступками, своимъ довѣріемъ къ цѣлямъ Божественной воли и согласными съ ней дѣйствіями онъ творитъ добро и обезпечиваетъ себѣ величайшее блаженство. «Человѣкъ безъ религіи,—говоритъ архидіаконъ Гэре,—является игрушкой случая, но религія стоитъ выше случайностей и поднимаетъ за собою человѣка». Въ Новомъ завѣтѣ находимъ

мы также соотвѣтствующее изреченіе: «Гдѣ духъ Господень—тамъ свобода». А Куперъ говоритъ: «Свободенъ лишь человѣкъ, освобожденный вѣрой: все остальные—рабы рядомъ съ нимъ».

Человѣкъ, не признающій этого божественнаго закона, поступаетъ лишь подъ давленіемъ холоднаго разсудка, слѣпой страсти или эгоизма и себялюбія. Люди прекрасно сознаютъ, что поступаютъ дурно, подчиняясь своимъ порочнымъ склонностямъ, совѣсть обвиняетъ ихъ, этотъ внутренній законъ нельзя заставить молчать. Они сами называютъ извращенными и грѣшными свои поступки, но ихъ способность сопротивленія уже ослаблена на будущее время, воля ихъ теряетъ свое могущество. Какъ-только имъ представится новое искушеніе, они ему поддаются гораздо скорѣе, чѣмъ раньше, и, такимъ образомъ, извѣстный поступокъ превращается современемъ въ привычку. Изъ всякаго злого дѣла вытекаетъ, какъ слѣдствіе, рядъ новыхъ дурныхъ поступковъ.

Тѣмъ не менѣе совѣсть не умерла. Мы не можемъ вырыть ей могилы и заставить ее молча успокоиться въ ней—мы можемъ растоптать ее ногами, и все же она останется живой. Въ минуту совершенія какого бы ни было грѣха, или преступленія, тутъ-же поднимается его ангель-мститель, и мы не въ состояніи закрыть глаза, чтобы не видѣть. Совѣсть превращаетъ человѣка въ труса, и день страшнаго суда приходитъ для насъ уже въ этомъ мірѣ, въ тотъ моментъ, когда совѣсть пробуждается и предостерегаетъ насъ, заставляя обратиться на правый путь.

Эта вѣчная, всею присущая совѣсть является истинной сущностью каждаго человѣческаго характера. Она учитъ насъ самообладанію, даетъ намъ силу противостоять искушеніямъ, побѣждать ихъ. Каждый человѣкъ обязанъ работать надъ развитіемъ собственной личности, стараться отыскать для себя правый путь, чтобы слѣдовать ему. У